

П.Н. Полевой

**История русской словесности с древнейших
времен до наших дней**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Н. Полевой**
История русской словесности с древнейших времен до наших дней: Том 3 / П.Н. Полевой – М.: Книга по Требованию, 2021. – 714 с.

ISBN 978-5-458-00964-5

ISBN 978-5-458-00964-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Періодъ Пушкина и Гоголя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пушкинъ, какъ представитель современной ему литературной эпохи. — Положеніе, занимаемое Пушкинымъ въ нашей поэзіи. — Разнообразіе элементовъ, изъ которыхъ сложился характеръ поэзіи Пушкина. — Условія, вліявшія на развитіе поэтического дара въ Пушкинѣ. — Пушкинъ, какъ поэтъ національный. — Его слава въ потомствѣ.

Немного болѣе полувѣка прошло съ кончины Пушкина, и его имя уже вполнѣ сознательно повторяется милліонами устъ, повторяется съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, съ глубокой прочувствованной признательностью. И что въ немъ, что въ этомъ имени? Оно уже не напоминаетъ намъ живого человѣка, не возобновляетъ въ нашей памяти образа поэта и писателя, принадлежавшаго извѣстной эпохѣ, не напоминаетъ того энергическаго дѣятеля, который скорбѣлъ и радовался, вмѣстѣ съ другими своими современниками, который любилъ и ненавидѣлъ, какъ человѣкъ, который боролся и страдалъ, и палъ безвременной жертвой беспощадной молвы. Это имя обратилось въ нѣчто неуловимое и — въ то-же время — осязательно-ясное для всѣхъ. Мы говоримъ: *Пушкинъ* — и въ сознаниіи нашемъ является представленіе о чемъ-то высоко-изящномъ, прекрасномъ и по сущности своей, и по формѣ. И подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ не личность, даже не произведенія поэта, а нѣчто вполнѣ отвлеченное, — великаго творца и добраго генія русской поэзіи, обле-

ченнаго въ свѣтлую ризу славы и благоговѣйнаго преклоненія многихъ поколѣній. И мы твердо убѣждены въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ живыя черты личности поэта будутъ стираться и сглаживаться, тѣмъ болѣе дорогимъ, тѣмъ болѣе обаятельнымъ, тѣмъ болѣе близкимъ будетъ представляться каждому изъ насъ имя Пушкина, произведенія котораго еще надолго останутся гордостью и славою русскаго народа. Отъ этого отвлеченнаго, туманнаго и общаго представленія о Пушкинѣ намъ даже очень не легко перейти къ далекому прошлому, не легко себѣ представить Пушкина, какъ дитя того вѣка, въ который онъ жилъ, къ которому принадлежалъ и плотью, и духомъ, который и воплотилъ въ своей поэзіи. Трудно представить себѣ тотъ послѣдовательный путь развитія, по которому слѣдовалъ, возрастая, геній Пушкина: вообразить себѣ нашего поэта ребенкомъ, неповоротливымъ и лѣнивымъ, потомъ отрокомъ, страстно привязавшимся къ чтенію, и юношей-лицеистомъ, испытывавшимъ свои силы въ легкомъ поэтическомъ творествѣ. Намъ представляется теперь, что Пушкинъ вовсе и не проходилъ всѣ эти обычныя стадіи развитія, а такъ и родился Пушкинымъ—вдохновеннымъ творцомъ прославившихъ его произведеній. Самое педантическое нанизываніе біографическихъ фактовъ нисколько не помогаетъ сближенію нашего идеальнаго представленія о Пушкинѣ съ реальнымъ и живымъ образомъ нашего поэта. Попытки такого нанизыванія и подбора разнородныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ мемуаровъ, воспоминаній, официальныхъ бумагъ и личной переписки поэта—были уже сдѣланы неоднократно и представляютъ собою довольно грубую и аляповатую мозаику, въ которой не хватаетъ главнаго: живой, художественной связи между составными частями. Пушкинъ—геніальный поэтъ совершенно скрывается изъ глазъ нашихъ, потому что его загораживаютъ Пушкинымъ-повѣсой, Пушкинымъ-вдыхателемъ и поклонникомъ женской красоты, Пушкинымъ-игрокомъ, Пушкинымъ-чиновникомъ, Пушкинымъ-общественнымъ дѣятелемъ, Пушкинымъ-аристократомъ и свѣтскимъ человѣкомъ. Анекдотическія мелочи, отдѣльные эпизоды, отрывки переписки, сопоставленные для пущей ясности въ хронологическую связь—все это только путаетъ насъ и затемняетъ въ нашемъ сознаніи общее представленіе о Пушкинѣ. А между тѣмъ, это общее представленіе необходимо для разумнаго пониманія нашего великаго поэта, для сознательнаго усвоенія красотъ и прелестей его поэзіи.

Пушкинъ в
его время.

Прежде всего любопытно взглянуть на Пушкина, какъ на представителя современной ему литературной эпохи; любопытно опредѣлить, въ какой степени эта эпоха наложила на него свою печать и отразилась въ его произведеніяхъ? Приступая къ рѣшенію этого вопроса, мы представляемъ себѣ, что въ Пушкинѣ

намъ такъ же легко будетъ намѣтить и указать отразившіяся на немъ черты его вѣка, какъ въ Державинѣ и Фонвизинѣ, какъ въ Ломоносовѣ и Херасковѣ. Но, въ дѣйствительности, это наше предположеніе не оправдывается... Тотъ вѣкъ, въ который Пушкинъ выросъ и развивался, въ который созрѣвалъ его дивный даръ, былъ вѣкомъ переходнымъ отъ мягкаго либерализма и распущенности въ нашихъ общественныхъ нравахъ къ суровому милитаризму и сухой формалистикѣ; отъ пристрастія къ образованію, отличавшемуся скорѣе внѣшнимъ блескомъ, нежели внутреннею содержательностью, отъ грубаго матерьялизма къ мечтательной настроенности и туманнымъ мистическимъ теоріямъ. Каждый изъ выдающихся писателей Александровскаго времени отразилъ на себѣ, въ большей или меньшей степени, эти различныя вѣянія близкаго прошлаго и переживаемаго настоящаго; и выразилъ ихъ такъ или иначе въ своихъ произведеніяхъ, въ которыхъ даже не трудно отличить опредѣленные наслоенія и нарастанія новыхъ идей на старую основу, въ чемъ и выражается, собственно говоря, вліяніе переживаемой писателемъ эпохи. Въ этомъ смыслѣ и Карамзинъ, и Жуковский, и Батюшковъ, и любой изъ современныхъ имъ писателей—дѣти своего вѣка, такъ какъ каждый изъ нихъ заплатилъ дань преобладавшимъ въ его время литературнымъ направленіямъ, каждый изъ нихъ, только пройдя черезъ эти направленія, достигъ возможности сказать новое, свое слово въ литературѣ. Отмѣтимъ и еще одну важную черту: всѣ эти выдающіеся литературные дѣятели первой четверти нынѣшняго вѣка носили на себѣ отпечатокъ той школы, которую они прошли, и совершенно ясно выразили это въ своихъ произведеніяхъ. И самъ Карамзинъ, человѣкъ необычайной воли и энергіи, послѣ многихъ и многихъ лѣтъ усиленной работы надъ историческимъ матерьяломъ и надъ изученіемъ нашего прошлаго, все-же не могъ въ своемъ гениальномъ трудѣ отдѣлаться отъ вліянія пройденной имъ литературной школы. Читая и Карамзина, и Жуковского, и даже Батюшкова (и въ стихахъ, и въ прозѣ), мы слышимъ въ настоящее время что-то чуждое, давнее, отжившее и отцвѣтшее уже много-много лѣтъ назадъ; мы понимаемъ, что двѣ трети вѣка отдѣляютъ насъ отъ этихъ писателей, мы цѣнимъ ихъ по достоинству за ихъ заслуги, оказанныя русской литературѣ, но мы не можемъ ни наслаждаться ими, ни сочувствовать имъ¹⁾... А Пушкинъ, со смерти котораго прошло уже 63 года? Онъ все еще свѣжъ, все еще близокъ и понятенъ намъ, какъ бы охраняемый какимъ-то дивнымъ литературнымъ нетлѣніемъ, онъ все еще

¹⁾ За очень немногими исключеніями. Настолько же неувыдаемымъ, какъ Пушкинъ, оказывается изъ его современниковъ только одинъ (весьма загадочный для насъ) Грибодовъ въ своей *одной* комедіи.

способенъ восхищать и увлекать современное намъ молодое поколѣніе, какъ восхищали и увлекали его отцовъ и дѣдовъ! И если мы дадимъ прочесть произведенія Пушкина какому-нибудь наивному человѣку, не имѣющему понятія о нашемъ литературномъ прошломъ, онъ даже едва-ли повѣритъ тому, что эти произведе-

Прадѣдъ Пушкина, Абрамъ Петровичъ Ганнибаль. По фотографіи съ современнаго портрета.

нія принадлежать перу человѣка, который родился сто лѣтъ тому назадъ.

Но какъ же это произошло? Какую же школу прошелъ этотъ необычайно-живой и живучій поэтъ? О, эта школа — увы! — не отличалась никакими особыми достоинствами. По его собственному признанію, и его, какъ и большинство его современниковъ, „учили понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“.

Притомъ, и вырасталъ онъ въ кругу людей, ко-

торые въ особенное достоинство себѣ ставили то, что ихъ звали „русскими французами“, которые весь обширный досугъ своей праздной барской жизни посвящали исключительно на измышленіе каламбуровъ и кропаніе французскихъ мадригаловъ... И первые дѣтскіе стихи Пушкина были написаны по-французски; первые отроческіе литературные замыслы (*la Toliade*) вращались около сюжетовъ французскихъ и подражаній французскимъ классикамъ на ихъ родномъ языкѣ. Первымъ чтеніемъ Пушкина-ребенка были опять-таки французскіе классики и легкая, вѣтреная поэзія, преобладавшая въ парижскихъ салонахъ XVII и XVIII вѣка, — и это чтеніе воспринималось ребен-

комъ 9—10 лѣтъ, среди кружка людей, проводившихъ жизнь въ обществѣ Репетиловыхъ и Фамусовыхъ—беззаботно, разсѣянно и праздно, перепархивая, какъ мотыльки, съ именннаго обѣда на балъ, а съ бала въ клубъ на карточный вечеръ. Все это общество жило даровымъ трудомъ, не задаваясь заботами о завтрашнемъ днѣ и воспѣвая на всѣ лады поэтическую лѣнь, шумные пиры или восторги, посвященные Музамъ и крылатому богу любви...

Послѣ такой подготовки наступили годы лицейскаго ученія, тоже не слишкомъ обильные плодами науки, преподававшейся по программамъ, плохо между собой согласованнымъ, да и при посредствѣ преподавателей, которые едва-ли были способны (за весьма малыми исключеніями) внушить своимъ ученикамъ лю-

бовь къ наукѣ и уваженіе къ своей личности... А между тѣмъ какъ трудно даже и представить себѣ, что „нашъ Пушкинъ“ могъ явиться въ русской литературѣ въ такое время, когда среднее образованіе едва только зарождалось на Руси — гимназій начинали еще только возникать въ губернскихъ городахъ, а университеты, кромѣ Дерптскаго и Московскаго, существовали еще только на бумагѣ.

И что же? Какъ же вліяютъ на Пушкина всѣ эти, далеко непривлекательныя, условія его воспитанія? Не губить-ли они его

Дѣдъ Пушкина, Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ. По фотографіи съ современнаго портрета.

таланта? Не препятствуютъ ли его развитію? О, нѣтъ!—нѣсколько... Напротивъ того, уже въ одномъ изъ среднихъ классовъ Лицея Пушкинъ плѣняетъ старика-Державина звучностью и гладкостью своихъ строфъ; а въ старшихъ классахъ Лицея онъ—уже извѣстность, уже видный членъ литературныхъ салоновъ и „Арзамаса“! Отъ него уже ждутъ чего-то крупнаго, большого, замѣчательнаго! И дѣйствительно, по рукамъ ходятъ, кромѣ массы всякаго рода лирики, вышедшей изъ-подъ его пера, первыя главы его „Руслана и Людмилы“—поэмы, поражающей всѣхъ своею прихотливою оригинальностью. Оригинальность эта была настолько велика и настолько рѣзко выдѣлялась и бросалась каждому въ глаза, что люди стараго литературнаго закала видѣли въ ней одно неприличіе и бессмыслицу, а старшіе изъ молодого поколѣнія поэтовъ не знали, что сказать объ этой игривой и граціозной поэмѣ, близкой по сюжету къ лубочной сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ... Даже такіе корифеи современной русской литературы, какъ Жуковскій и Батюшковъ, становились втупикъ при рѣшеніи вопроса объ этомъ новомъ родѣ поэзіи... Они безпристрастно признавали это явленіе новымъ, небывалымъ у насъ въ литературѣ, признавали его произведеніемъ большого, сильнаго таланта, но не могли прійти ни къ какому опредѣленному выводу относительно достоинствъ новой поэмы...

Изъ этихъ данныхъ съ достаточною ясностью опредѣляется для насъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ какой степени Пушкинъ можетъ быть представителемъ современной ему литературной эпохи? Пройдя очень слабую и поверхностную школу, менѣе всего способную правильно развить его поэтическій даръ, возникнувъ на общественной почвѣ, почти ничего не имѣвшей общаго съ народностью—Пушкинъ уже 19-лѣтнимъ юношей является не однимъ изъ представителей современной ему литературы, а новаторомъ, основателемъ и главою новой романтической школы, которая ничѣмъ не была связана съ подражательнымъ и переводнымъ романтизмомъ Жуковскаго и почерпала существеннѣйшія стороны свои изъ русской народной жизни и ея преданій...

Ранняя из-
вѣстность

Необычайный поэтическій талантъ, которымъ былъ свыше надѣленъ Пушкинъ, сразу доставилъ ему такое положеніе въ нашей литературѣ, какого не достигалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ-поэтовъ. Передъ 20—22-хъ-лѣтнимъ юношей преклонилась, съ первыхъ же его шаговъ на литературномъ поприщѣ, вся читающая и просвѣщенная Россія, безусловно и безспорно признавая за нимъ пальму первенства надъ всѣми поэтами настоящаго и прошлаго времени. Въ кружкѣ писателей, близкихъ къ Пушкину и безкорыстно преданныхъ ему, правда, еще слышались голоса, заявлявшіе о томъ, что ему еще необхо-

дима школа и внутренняя, усиленная работа надъ собою¹⁾, но отвѣтомъ на эти добрыя пожеланія являлись новыя и новыя произведенія поэта, изумлявшія всѣхъ блескомъ и неистощимымъ запасомъ его дарованія, и всѣ голоса наконецъ смолкли, выжидая...

Опасенія друзей были, впрочемъ, весьма основательны и болѣе, чѣмъ понятны; но эти опасенія исходили, главнымъ образомъ, изъ того, что они ставили въ слишкомъ тѣсную зависимость поэтическій даръ Пушкина отъ его темперамента, не предполагая въ немъ достаточной силы характера, чтобы этого темпераментъ обуздать и съ нимъ справиться. По счастью, они ошиблись... Пылкая, опрометчивая, безразсудная юность поэта протекала среди безжизненной пустоты свѣтской петербургской жизни, въ которой не было никакихъ серьезныхъ интересовъ; среди общества, въ которомъ, съ одной стороны, преобладала суровая аракеевщина, съ другой — быстро распространялось религиозное ханжество и лицемеріе, прикрывавшееся пристрастіемъ къ мистицизму и пьетизму. Молодые, незатраченные силы, при африканскомъ темпераментѣ Пушкина, искали себѣ исхода, и — увы! — находили его въ пристрастіи къ картамъ, къ кутежамъ и попойкамъ, къ шалостямъ и повѣсничеству всякаго рода. Все это прикрывалось тѣмъ дешевымъ либерализмомъ, который удовлетворялся злою насмѣшкою и рѣзкой эпиграммою и, пренебрегая всякою осторожностью, тѣшилъ острымъ словомъ. Шалости окончились ссылкою на югъ, гдѣ общественная среда была далеко хуже петербургской и московской, но гдѣ въ обществѣ (хотя и до крайности распущенномъ) все-же чужались нѣкоторыя свѣжія вѣянья, въ виду возникавшей борьбы за независимость Греціи...

Эти вѣянья и пестрота яркихъ красокъ Юга подѣйствовали Пушкинъ на Югъ. возбуждающимъ образомъ на нашего поэта, который создалъ здѣсь цѣлый рядъ своихъ прелестныхъ поэмъ и, подъ непосредственнымъ вліяніемъ разочарованій Байрона, обдумалъ свой (въ началѣ довольно туманный) типъ Евгенія Онѣгина. Но этотъ же Югъ, столь благопріятный для поэтическаго вдохновенія, оказывалъ, съ другой стороны, самое вредное вліяніе на Пушкина, потворствуя развитію въ немъ именно тѣхъ сторонъ, которыя были ему присущи по его темпераменту и такъ много вредили ему въ жизни. Пушкинъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на ту пеструю толпу людей, которая его окружала; онъ не видѣлъ

¹⁾ Разумѣемъ извѣстныя сомнѣнія, выраженные въ письмѣ Батюшкова къ А. И. Тургеневу. «Сверчокъ» (Арзамасское прозвище Пушкина) что дѣлаетъ? Кончилъ ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ... и т. д.

около себя никого дорогого и близкаго — никого, кто по своимъ достоинствамъ и талантамъ могъ-бы хотя сколько-нибудь къ нему приблизиться... Друзья его были далеко, на сѣверѣ; а здѣсь онъ видѣлъ около себя или слѣпыхъ, безличныхъ поклонниковъ, или людей, не придававшихъ никакого значенія его дивному дару. И тѣхъ, и другихъ онъ одинаково презиралъ; и на тѣхъ, и на другихъ одинаково изощрялъ свое язвительное остроуміе,

безразсудно ставя на карту свою жизнь и свое будущее.

Особеннымъ счастьемъ для поэта, особенной милостью благосклонной къ нему судьбы, слѣдуетъ считать ту неприязнь, которую Пушкинъ возбудилъ къ себѣ во всесильномъ начальникѣ края, недовольномъ рѣзко - выражавшеюся независимостью поэта, поставленнаго въ подчиненныя, служебныя отношенія къ „полумилорду“. Последствиемъ

Пушкинъ въ деревнѣ.

Сергій Львовичъ Пушкинъ, отецъ поэта. По современному портрету.

этихъ неприязненныхъ и натянутыхъ отношеній, совпавшихъ со многими другими неприятными и опасными для Пушкина случайностями, была вторичная ссылка поэта, на этотъ разъ (по счастью для него!) въ деревенскую глушь, въ которой онъ вынужденъ былъ провести два года ¹⁾.

Этой глуши и суждено было послужить для поэта тѣмъ „Геттингеномъ“, котораго такъ желалъ для него Батюшковъ.

¹⁾ Съ 9-го августа 1824 года по начало сентября 1826 года, когда онъ былъ такъ внезапно вызванъ въ Москву.

Намъ кажется, что біографы Пушкина недостаточно оцѣниваютъ значеніе этого двухлѣтняго періода въ жизни Пушкина, между тѣмъ, какъ именно къ этому періоду и относится крутой нравственный поворотъ въ сознаніи поэта, совпавшій съ полнымъ расцвѣтомъ его таланта, съ полнымъ развитіемъ его духовныхъ силъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что именно деревенская жизнь благотворно повліяла на Пушкина.—повліяла успокоительнымъ, отрезвляющимъ образомъ, заставла его одуматься и, наконецъ, взглянуть серьезно на свой даръ и на свое высокое назначеніе. Вглядимся внимательно въ эту жизнь.

Деревенская глушь, даже и въ настоящее время, при полной свободѣ народнаго труда, обладаетъ такими особенностями быта и такими условіями жизни, которыя сильно вліяютъ на человѣка, избалованнаго городскою обстановкою. Горожанинъ, вынужденный жить въ этихъ условіяхъ, видитъ себя въ необходимости примириться съ ними, потому что никакое усиліе его едино-

Надежда Осиповна Пушкина, мать поэта.
По современному портрету.

личной воли не можетъ ихъ измѣнить или пересоздать. Избалованный общественною жизнью города, его шумомъ и движеніемъ, онъ видитъ себя въ полномъ одиночествѣ, и долженъ волей-неволей привыкать къ этому уединенію, которое вынуждаетъ насъ вдумываться въ наше прошлое и сознательно относиться къ настоящему. Мало того, деревенская глушь оказываетъ на насъ и еще въ одномъ смыслѣ благотворное вліяніе. Она приводитъ насъ къ необходимости строже относиться къ нашимъ поступкамъ, потому что эти поступки постоянно оказываются извѣстными огромному множеству людей и ни одинъ изъ нашихъ шаговъ не ускользаетъ отъ пытливаго ихъ наблюденія и вниманія. Какой бы образъ жизни ни велъ горожанинъ, какъ бы ни разбрасывался, какъ бы

ни расточалъ свои силы и средства, — онъ все же останется затеряннымъ въ толпѣ — однимъ изъ тѣхъ, которымъ „имя легионъ“ — и ни отъ кого не услышитъ ни суда, ни порицанія. Въ деревнѣ, напротивъ того, каждый мѣстный житель, кто бы онъ ни былъ: дворянинъ или попъ, крестьянинъ или купецъ — всѣ представляютъ собою тѣсно сплоченную массу, въ которой каждый считаетъ себя въ правѣ обсуждать и порицать поступки того или другого изъ мѣстныхъ жителей и дѣятелей. И этотъ судъ, этотъ vox populi — достигаетъ своей цѣли: доходитъ до насъ, Богъ вѣсть какими путями, и неумолчно звучитъ въ ушахъ нашихъ, стѣсняя нашъ произволь и укрощая наши порывы.

Гнетъ
обычая.

Въ городской жизни есть свои законы общественные, свои моды и предрасудки, которыхъ приходится держаться всѣмъ живущимъ въ свѣтѣ; но отъ этихъ законовъ можно и отступать, и видоизмѣнять ихъ, и даже дѣйствовать наперекоръ имъ. Не то въ деревнѣ: здѣсь на все и про все свой, искони идущій, вѣками установленный обычай — и никому не подь силу его измѣнить или отмѣнить; приходится поневолѣ идти съ другими ровень и плыть по теченію... И вотъ, именно этими-то условіями деревенской жизни и объясняется то благотворное вліяніе, которое деревня оказала на „своенравный геній“ нашего поэта. Приѣхавъ въ деревню при самыхъ печальныхъ и тягостныхъ условіяхъ ¹⁾, Пушкинъ вскорѣ остался тамъ одинъ-одинѣшенекъ среди тишины стараго барскаго дома и условій того крѣпостного быта, который въ то время тяготѣлъ всею своею удручающею силою на нашемъ крестьянствѣ. Онъ возмущался вначалѣ своею неволею и тѣми стѣснительными условіями полицейскаго и духовнаго надзора, въ которыя онъ былъ поставленъ, онъ тяготился ими до того, что готовъ былъ по-александровски разрубить этотъ Гордіевъ узелъ и даже „проклиналъ“ свою родину ²⁾... Но у него же за стѣною жужжали веретна и стучали ткацкіе станки крѣпостной дворни; а около него вся жизнь псковской глуши (какъ и всей обширной Россіи) созидалась и текла своимъ путемъ на основѣ того же крѣпостного труда, которому терпѣливо подчинялись милліоны русскихъ людей, безропотно снося свое тяжкое бремя, признавая въ немъ свыше-испосланное испытаніе, не

¹⁾ Напомнимъ, вмѣсто всякихъ біографическихъ комментаріевъ, извѣстный стихъ Пушкина:

... «И былъ печалень мой приѣздъ
Въ даленій сѣверный уѣздъ».

²⁾ Мы разумѣемъ планы Пушкина о бѣгствѣ за границу и всѣмъ извѣстное мѣсто въ письмѣ поэта къ его другу Вяземскому: «въ IV пѣснѣ Онѣгина — я изобразилъ свою жизнь. Когда-нибудь прочтешь ее, и спросишь: гдѣ-же мой поэтъ?.. Услышишь въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ, и никогда въ проклятую Русь не вернется»...